

НАДЕЖДА ГОЛОВАЧЕВА

ХОЛОДНАЯ ИСКРА

*Посвящается тем,
кто любит вопреки*

Головачева Викторовна Надежда

Холодная искра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72191266

SelfPub; 2025

Аннотация

Мистика. Любовь. Память. Навь зовёт.

Иногда любовь не умирает. Она просто ждёт... по ту сторону.

Нами возвращается в забытое Богом село, чтобы укрыться от боли и страхов. Но там, среди заснеженных изб, древних зеркал и забытых преданий, её ждёт Он – призрак из прошлого, которого она не помнит, но душа всё ещё зовёт.

Сквозь холод, сны и забвение Нами предстоит раскрыть тайну своей прежней жизни и решить: стоит ли возвращать того, кто давно не принадлежит этому миру.

Мистическая история о любви сильнее смерти, памяти, которой не должно было остаться, и искре, что горит даже в самом лютном морозе.

Головачева Надежда

Холодная искра

Глава 1. Первая зима

Снег выпал в день, когда я должна была умереть.

Он лежал на асфальте ровно, как белая скатерть на столе для последнего ужина. Машины ехали медленно, будто знали, что зима умеет быть коварной. Я – не знала. Я думала о колледже, о кофе, о скучных новостях и о том, как бы выбраться из города на каникулы. Мир был обычным.

Пока он не стал другим.

Было утро. Я ехала в автобусе, прислонившись к окну. Всё случилось за секунды: занос, крик водителя, визг тормозов, резкий толчок. Потом – стекло, летящее прямо в лицо, хруст металла и... темнота. Но в этой темноте кто-то был.

Я чувствовала чьё-то присутствие рядом. Оно не пугало – наоборот, согревало, как дыхание в мороз. Я слышала голос – негромкий, бархатистый, почти шепчущий:

«Нами...»

Я проснулась в палате с белыми стенами и кислым запахом лекарств. Врач сказал, что мне повезло. Вывих, ушибы, сотрясение. Остальные пострадали сильнее. Кто-то погиб.

Я – выжила. Неизвестно зачем.

На третий день я увидела его впервые. Он стоял у окна, как будто был тенью, отбрасываемой солнцем, которого не было. Высокий, в сером, лицо частично скрыто – словно плохо отрисованный сон. И всё же – он был реальнее, чем врач с градусником.

– Кто ты? – прошептала я.

Он не ответил. Только посмотрел. Глаза – как лёд на январском озере. Слишком знакомые.

Он исчез, как только вошла медсестра. Я решила, что это было галлюцинацией. Но вечером он вернулся – в отражении стекла.

Через неделю меня выписали. Мама предлагала остаться у неё, но я отказалась.

Я позвонила бабушке – той самой, у которой не ловит телефон, зато дом стоит на окраине забытой богом деревни, среди лесов, где только ветер и воронья память.

– Приезжай, внучка, – сказала она. – Если мёртвые с тобой заговорили, тебе пора вспомнить, кто ты.

Бабка никогда не говорила просто так. И уж тем более не про мёртвых.

Я приехала в первый день января. Дорога была засыпанной, автобус доехал только до поворота. Дальше – пешком. Снег был по колено. Словно лес решил меня проверить.

Когда я подошла к избе, дым уже валил из трубы. Бабка стояла на пороге, кутаясь в шерстяной платок.

– Видишь, как зима плотная нынче, – сказала она, – мороз не даёт дышать. Значит, границы между мирами истончаются.

– Между какими?

– Позже. Иди. Остынешь – дух в тебя не войдёт.

Я не поняла, о каком духе речь, но не стала спорить. В доме пахло полынью, мёдом и чем-то горьким. На стене висел рушник с вышитым солнцем, а под потолком сушились травы. Всё было так же, как в детстве. Только тогда я думала, что бабка – просто странная старуха с фобией цивилизации.

Ночью я снова его увидела.

Он стоял у изголовья кровати. Я спала под старым одеялом с вышитыми петухами, и воздух был ледяным – будто я лежала на улице. Но мне не было холодно.

Он смотрел на меня и говорил беззвучно:

«Я знал тебя...»

Я попыталась протянуть к нему руку, но он исчез. Только воздух стал прозрачнее. И что-то внутри сжалось.

Наутро я рассказала всё бабушке. Она слушала, не перебивая, а потом встала, открыла старый сундук и достала кулон на чёрной нитке. Внутри кулона – крошечная снежинка из серебра.

– Носи. Это оберег. Снег с тех пор, как ты родилась, тебя любит. Но любовь бывает разная. И не каждый, кто зовёт, – твой.

– Кто он? – спросила я.

Бабушка взглянула на меня, как будто давно знала, что этот вопрос прозвучит.

– Он был живым. Теперь – нет. И имя его я слышала. Он был здесь раньше. Его звали... Эйден.

У меня похолодело в груди.

– Он умер?

– Умер. Но не ушёл. Его душа привязана. А ты...

– Что я?

Бабушка посмотрела прямо в глаза. Медленно.

– Ты можешь вернуть его. Но не просто так. Для этого надо вспомнить всё, что ты забыла. Всё, что было до этой зимы. Даже то, что было до тебя самой.

Примечание

"Разные глаза"

Люди всегда чувствуют неладное,
даже если не могут это объяснить.
И когда смотрели на неё – отворачивались первыми.
Потому что что-то в ней не совпадало с миром.

Она появилась зимой. Вся в чёрном.

Не из мрачности – из привычки не выделяться. Или, может, из протеста – против этого вечного, вязкого снега, что затягивал всё живое в тишину.

Её шаг был почти бесшумным, как у кошки. Спина – прямая, но не гордая. Словно кто-то с детства приучил держать осанку даже в страхе.

Длинные волосы – чернее самой ночи. Без блеска, матовые, как вуаль. Казалось, если бы дотронуться, они были бы холодными на ощупь, как вода из лесного ручья в январе.

Но главное – не волосы.

Не рост.

Не голос.

Даже не имя.

А глаза.

У неё были разные глаза.

Правый – чёрный. Глубокий, как ледяная прорубь в ночь Крещения. В этом глазу было что-то дикое, что-то древнее. Он не смотрел – он проникал.

И если смотреть в него долго – начинало казаться, будто тебя кто-то видит изнутри. Кто-то, кого ты сам забыл.

Левый – светло-серый. Почти прозрачный. В нём отражался снег. Тишина. Вечернее небо. Глаз без цвета, но с глубиной тумана. Он не пугал, он отпускал. Но не давал забыть-ся.

Эти глаза никогда не смотрели одинаково.

Один – держал.

Второй – отпускал.

И лишь те, кто был между мирами – видели в ней не странность, а зов.

Как будто она – не просто человек, а трещина в реальности.

Хрупкий мост между светом и тьмой.

Явью и Навью.

Она не знала, как это началось. Просто с детства люди шептались.

"Дитя с глазом ночи... Не к добру это."

"Ведьино племя..."

"Смотрит – и мороз по коже."

Но она не проклинала свои глаза.

Потому что в один момент, в одной зиме, именно эти глаза увидели его.

И он – не испугался.

Он остался.

Глава 2. Изба на краю

Изба стояла на краю деревни, почти утонув в снегу. Казалось, она давно умерла – как и деревня, где улицы называли именами тех, кто больше не ходил по ним. Только из трубы вился дым, значит, кто-то всё ещё ждал.

Бабка встретила меня без слов. Только кивнула и жестом велела снимать сапоги. Половицы скрипели под ногами, как будто жаловались на чужое присутствие.

– Тихо ты тут живёшь, – сказала я, ставя сумку у порога.

– Не я, а дом. Ему не до болтовни, – хмыкнула бабка, повязывая платок плотнее. – Дом старый. Он всех помнит.

Стены были увешаны рушниками, иконами, травами, сушёными корнями. Где-то под потолком скрипел мышиный гость. Возле печки сидел кот – чёрный, с белым пятном на морде и жёлтыми, чуть прищуренными глазами. Он глядел на меня долго, будто вспоминал.

– Это кто? – спросила я.

– Он тебя знает. Раньше звался Уголь, теперь просто Молчит.

Бабка сказала это так, будто кот жил лет сто.

Я прошла в комнату – ту самую, где спала в детстве. Ничего не изменилось: кровать с высокой спинкой, подушки, набитые перьями, зеркало в раме из старого дерева. Я бросила взгляд на стекло – пусто. Только моё отражение и слабое дрожание занавесок от сквозняка.

Но потом я почувствовала это.

Как будто комната, дом – всё дышало. Тихо, незаметно, но дышало. Будто стены слушают. Или смотрят.

Ночь в деревне – это не просто тьма. Это будто другой мир.

Звёзды висят низко, небо давит на крышу, снег за окном

светится, как молоко.

Я проснулась от холода. Одеяло было сползшим, окно – приоткрытым, хотя я помнила, что закрывала его. В комнате – ледяной воздух. Пахло морозом, печной золой... и чем-то ещё. Сухим, как пыль старой книги.

Я села в кровати.

Он стоял у зеркала.

В отражении.

Как будто не в комнате – а где-то за границей стекла.

Смотрел на меня. Всё так же молча. И не просто взгляд – почти касание.

Я встала. Сделала шаг. Он остался.

– Эйден... – произнесла я, едва веря, что знаю имя. Оно словно само вырвалось из воздуха.

Он слегка кивнул. Угол его губ дрогнул. На мгновение – почти улыбка.

И в этот момент стекло запотело. Прямо напротив его лица.

Когда я подошла ближе, он исчез. А на запотевшем стекле осталась надпись. Тонкая, будто царапанная пальцем:

"Ты забыла."

– Ты снова его видела, – сказала бабка утром, как будто сама была там.

Я кивнула.

– Он называет тебя, потому что ты одна можешь его слышать. Но прежде чем возвращать – надо помнить. А ты не помнишь.

– Что?

– Жизнь. До этой. Ту, где он был живым, а ты – его.

Я молчала.

Бабка поставила на стол миску с кашей и кусок хлеба. Потом достала деревянную шкатулку и положила передо мной.

– Это твоя. Была. Хранилась у меня с тех пор, как ты уехала.

Внутри – маленький засушенный цветок папоротника, ленточка с вышивкой и фотография.

Старое чёрно-белое фото. Деревня. Зима. Девочка лет

шесть стоит на фоне замёрзшего озера. А за ней – тень. Смутная, будто проявленная не до конца. Но глаза... я узнала эти глаза.

– Это я? – прошептала я.

– Это вы, – кивнула бабка. – Он приходил к тебе ещё тогда.

– Но почему я не помню?

– Потому что между мирами есть правила. Чтобы пересекать границу, нужно отдать память. Или душу. Ты, видать, когда-то выбрала память.

Я вышла к озеру на закате.

Лёд был гладким, ровным, серо-синим. Скрипел под ногами. Деревья вокруг – как стражи. Молчаливые и терпеливые. Снег покрывал их, будто саван. А воздух... он звенел.

Я подошла к самому краю воды. Где лёд начинал темнеть.

– Я не знаю, кто ты для меня... – сказала я в пустоту. – Но внутри всё дрожит, когда ты рядом. И пусто, когда тебя нет.

Ветер ударил в лицо. Снег закружился.

И вдруг – шаги. Лёгкие, но не мои.

Я обернулась – никого.

Только следы.

Два следа на снегу, идущие ко мне. Но не от меня.

И я знала: он здесь. Рядом. Не живой. Но и не мёртвый.

И что-то внутри меня начинало просыпаться. Как память, спрятанная подо льдом.

Как искра, оставшаяся после костра.

Холодная. Но живая.

Глава 3. Сны об озере

Сны начали приходиться внезапно и навязчиво. Сначала – как легкие отблески, едва ощутимые прикосновения памяти, потом – яркими, почти реальными картинками, что оставляли послевкусие и холод внутри.

В ту ночь озеро предстало передо мной совсем другим. Вспомнилось, каким оно было до ледяной корки, до зимнего покрова, каким его рисуют в старинных сказаниях: живым, шепчущим, прозрачным, словно зеркало души. И в этом зеркале стоял он – Эйден.

Я шла к нему, а он вытягивал руку. Наши пальцы чуть

не соприкоснулись – и лёд треснул, разлетелся сетью тонких линий. В последний миг я проснулась с криком – сердце колотилось, а в груди стоял болезненный холод.

Утро было серым и пасмурным. Я сидела у окна и не могла оторвать взгляд от снега, словно в каждом его кристалле скрывался ответ.

Бабка сказала, что озеро зовет меня. Что мои сны – не случайны. Что там, где лёд и вода встречаются, проходит граница между мирами. И я, не зная, что делаю, начинаю эту границу стирать.

Я стала чаще ходить к озеру, каждый раз чувствуя, как призрачный мир становится ближе. И однажды, когда солнце уже скрывалось за деревьями, я увидела его – на другом берегу, реального и одновременно эфемерного.

Он не мог перейти лед, а я не могла его покинуть. Но мы стояли, разделённые толщей воды и времени, и в его взгляде читалась просьба – помочь ему вернуться.

В ту ночь я не сомневалась: это не просто призрак. Это часть меня, часть нашей забытой истории, застывшей под ледяной коркой памяти.

Но бабушка предупреждала: помнить – значит навсегда изменить свой путь. И я боялась, что если открою дверь до конца, то не смогу вернуться.

– Озеро зовёт тебя, – сказала бабушка утром, ставя на стол чай с мятой. – Это не просто сон.

– Он тонул, баб, – я держала кружку обеими руками, будто грелась – не от холода, от чего-то другого, внутреннего. – Он тянулся ко мне, и лёд треснул.

– Потому что тебе нельзя туда сейчас. Ты не готова. Твоя память слабая, ты не выдержишь встречи полностью. Пока он может быть только в снах.

Я глядела в окно. Снег всё так же лежал плотной пеленой, и деревня казалась вырезанной из другого времени. В этом сне реальность была тоньше, чем лёд.

– А кто он был... тогда? – спросила я. – До смерти. До... всего.

Бабушка медленно выдохнула и достала с полки старую шка-тулку.

– Он был не совсем из этого мира, Нами. Вернее, не все-

гда. Он пришёл сюда как человек, но ушёл иначе. Есть такие души... застрявшие. Они живут между слоями времени. Некоторые называют их оборотнями, некоторые – тенью, некоторые – потерянными.

– А я? Что я для него?

Бабка не сразу ответила. Только тихо сказала:

– Ты была его якорем. И ты – снова им стала.

Вечером, когда деревня погрузилась в сон, я сидела у окна, держа в руках старую фотографию – ту самую, что бабка дала мне в шкатулке. На ней была я – маленькая девочка, и рядом – он. Тот самый Эйден, но живой, с улыбкой, полной света и тепла. Эта улыбка казалась теперь чем-то нереальным, как сон, который не хочется отпускать.

Я касалась фотографии пальцами, и внутри меня разгоралась искра – холодная, но горящая. Она звала меня вспомнить всё.

Вспомнить их любовь.

Вспомнить предательство.

Вспомнить потерю.

Ночь снова погрузила меня в сны, но теперь они были

иными. В них я ходила по тому самому лесу, где раньше играла с Эйденем. Там стояла старая деревянная изба – покосившаяся, покрытая мхом и временем. В ней жил Ведун – человек, который знал секреты границ между мирами.

В одном из снов я слышала его голос:

– Память – это ключ, Нами. Но ключ может открыть как двери, так и клетки. Ты должна решить, что важнее – знать или жить.

Проснувшись, я знала, что путь назад уже не будет таким, как раньше.

На следующий день, под тяжестью тёмных туч, я направилась к лесу. Деревья стояли, словно стражи древних тайн, их ветви скрипели на ветру, словно шёпотом предупреждали.

Деревянная изба выглядела, как будто её построили сотни лет назад – грубая, но крепкая, с резными ставнями и ветхой дверью. В воздухе пахло смолой и терпким ароматом лесных трав.

Когда я постучала, дверь открылась сама, и передо мной появился Ведун – высокий мужчина с пронизательными глазами, в плаще из выцветшей ткани. Его взгляд был одновременно строгим и добрым, а улыбка – таинственной.

– Ты та, кто ищет границу, – сказал он. – Ты та, кто хочет вернуть нечто потерянное.

Я кивнула.

Он пригласил меня войти.

В избе горел огонь, отбрасывая танцующие тени на стены, покрытые рунами и узорами. Ведун взял меня за руку и про-
изнёс:

– Ты не просто хочешь вернуть его. Ты хочешь стать частью другого мира. Но миры – как реки, Нами: если смешать их – всё потечёт иначе.

Я слушала, чувствуя, как сердце бьётся всё быстрее.

– Он – дух, который не смог уйти. Ты – якорь, который держит его здесь. Чтобы помочь ему, ты должна вспомнить их общую историю, пройти через боль и отпустить то, что мешает.

– Но я боюсь, – призналась я. – Боюсь потерять себя.

Ведун улыбнулся:

– Потерять – значит найти. Только если ты готова пройти

через тьму, свет найдёт тебя.

Возвращаясь из леса, я смотрела на снег, который медленно таял, оставляя капли на ветках. В каждой капле казалось отражение его лица – того, кого я любила. И теперь понимала: этот путь – не просто борьба с призраком прошлого, а путешествие к самой себе.

Ночь снова пришла, и я была готова встретиться с ним – не в отражении, не во сне, а на границе между мирами.

Глава 4. Граница

Когда наступает полночь в старой деревне, лес шумит иначе. Он не просто шепчет – он зовёт. Кажется, что деревья двигаются чуть ближе, дыхание прячется в елях, а время медленно соскальзывает с часов, оставляя только дыхание земли и сердца.

Я стояла у окна, сжимая в ладони ту самую ленту с вышивкой. На ней проступали знаки – спирали, солнце, зубцы. Старославянские обереги, что бабка называла петлями памяти. Говорила: «Носи, если боишься забыть, кто ты. Или боишься вспомнить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.